

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Р.Г. Жамсаранова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.36.3.007

УДК 81'373.6

Личное имя родоначальника Саганского рода Агинской степной думы Моху / Мухуу Унагановъ как исторический антропоним*

Научная новизна. Данная статья посвящена описанию трех аспектов исторического антропонима: во-первых, презентации историографии отдельной персоны Моху / Мухуу Унаганова – предводителя Саганского рода хори-бурят Агинской степной думы, во-вторых, определению этноязыковой принадлежности его личного имени, в-третьих, описанию некоторых исторических фактов из прошлого семейного клана. Предпринятая попытка определения значения ряда имен семейного клана Унагановых (Моху (Мухуу), Бацагай, Бошикту, Вашир-Даши, Боридка, Бадма, Зодбо, Дарацай, Намжил, Намтай-Цырын (т.е. Намтай-Цэрен) и Бонтар, а также производных в виде фамилий Унагановъ, Мохоев, Боридхаев) обусловлена не только отсутствием подобного рода исследований, но и необходимостью описания биографических данных отдельного человека. Известно, что историческое имя тесно связано с историей становления отдельной народности, к примеру, хори-бурят. К тому же историческое имя посредством своего лексического значения способно репрезентировать наличие этнокультурного «фона» (связанного с этноязыковым субстратом), подтверждая тем самым наличие самодозычного субстрата в исторической антропонимии хори-бурят Саганского рода. Научная новизна обусловлена отсутствием работ по исторической антропонимии Саганского рода хори-бурят на обширном документальном ономастическом материале. В научный оборот впервые вводится свод исторических имен отдельного рода, отдельной семьи, выписанных из фондов Государственного архива Забайкальского края.

Цель и задачи. Целью данной статьи является определение этноязыковой принадлежности личных имен семейного клана Моху Унаганова как исторических имен, включая описание биографических и иных данных отдельной персоналии – предводителя одного из 11 родов хори-бурят – Саганского. Конкретными задачами статьи являются анализ личного имени данного предводителя, а также анализ имен членов семейного клана Унагановых, что объективирует авторскую гипотезу об иной языковой принадлежности личных имен, нежели монгольская или бурятская.

Методология исследования основана на применении следующих научных методов: сравнительно-сопоставительного, типологического, описательного, сплошной выборки, ономастического.

*При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

© Жамсаранова Р.Г., 2021

Результаты исследования подтверждают сложность и этноязыковую «пестроту» дотибет-монгольского антропонимного состава Саганского рода хори-бурят. Настоящая статья посвящена описанию возможного сойотско-тофаларского субстрата в своде исторических имен хори-бурят, тем самым она вносит определенный вклад в развитие сибирской антропонимики. Историческая антропонимия хори-бурят извлекалась из архивных документов, а именно из ревизских описей бурят-инородцев XVIII–XIX вв. из фондов Государственного архива Забайкальского края. Материалом исследования послужила ревизская опись Саганского рода 1830–1831 гг., хранящаяся в Государственном архиве Забайкальского края. Известно, что некоторые роды хори-бурят разделялись и в результате образовывались два отдельных родовых сообщества. При этом в родовых преданиях «сохранялось» имя родоначальника, часто мифического предводителя. Описаны, к примеру, такие роды, как Зун-Хуацайский и Барун-Хуацайский, т.е. Восточный-Хуацайский, Западный-Хуацайский. Саганский род, в отличие от этих крупных родов, не подразделялся на два отдельных рода. Однако та часть рода, которая последовала за своим предводителем Мохуу Унаганай в агинские степи, носит именование Тугнэ-Сагаангууд, т.е. саганский из Тугнуя – местности, известной как Тугнуйская долина ведения Хоринской степной думы. Перекочевав ближе к Онону, сагануты вошли в состав Агинской степной думы.

Ключевые слова: Моху / Мухуу Унагановъ, ревизская опись Саганского рода 1830–1831 гг., хори-буряты, этимология имен дотибет-монгольского происхождения, сойотско-тофаларский, тюркский антропонимический субстрат

I. Введение. Сбор ясачной повинности с аборигенного населения исторической Даурии представлял собой весьма и весьма важное мероприятие для колонизационной административной системы царской России в XVII–XVIII вв. Для этого, как и на других территориях Сибири и Дальнего Востока, были созданы степные думы под началом «лучших» людей родоплеменных сообществ. Было учреждено двенадцать степных дум: семь – у западных бурят, пять – у восточных. Тунгусское население Нерчинского уезда, к которому причислялись в том числе и родовые объединения бурятского населения, обитавшего по рр. Онон, Аргунь, Ингода, в районе озерных систем – оз. Телемба, Ивано-Арахлейских озер и Еравнинских озер, было в ведении Урульгинской степной Думы. Среди западных бурят были учреждены Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоненская, Ольхонская, Тункинская степные думы. В Забайкалье – Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская степные думы.

В 1839 г. из Хоринской степной думы выделилась Агинская степная дума. Агинская степная дума, согласно архивным документам Государственного архива Забайкальского края, была образована 16 июля 1839 г. на основании приказа Нерчинского окружного начальника «во ис-

полнение указа Иркутского губернского правления от 26 мая 1839 г.». Выделение Агинской степной думы из состава Хоринской степной думы было обусловлено отдаленностью «по родных» земель бурятских родов, кочевавших смежно с тунгусскими родами, относящимися к Урульгинской степной думе.

II. Материалы и методы. В качестве исследовательского материала использован антропонимический свод отдельной семьи, выписанный из ревизской описи Саганского рода (табл.)¹.

Личность Моху Унаганова примечательна тем, что этот человек являлся предводителем части Саганского рода хори-бурят, которые выделились в отдельный род и переселились из благодатной Тугнуйской долины (современный Мухор-Шибирский район Республики Бурятия) в пределы агинских степей.

В «Бурятских летописях» в списке лиц, бурятских нойонов, тайшей, которые получили чины титулярных советников записано и имя «зайсана саганского рода Мохуу Унаганай» вследствие пожалования главного тайши хоринских бурят Ринчина Болтирокова в надворные советники за его усердие, проявленное его отцом Шодо Болтироковым при проведении русско-китайской границы «от Кяхты до истоков

¹ Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Фонд 284, оп. 1, дело 50. Именной список кочевых братских инородцев Саганского рода 1831 г. июля 7 дня Иркутской губернии Верхнеудинского округа ведомства Хоринской степной думы. 359 л.

Абзац из ревизской описи Саганского рода 1831 г.

№	Имена и прозвания*	Лѣтъ по переписи 1823 г.	По переписи 1831 года		Объяснение
			Ниже 18 и выше 50 лѣтъ	От 18 до 50 лѣтъ, т.е. способныхъ к работамъ и промыслам	
305	Титулярный советник Моху Унагановъ	64	-	-	В 1824 г. помер и по указу в 1830 году исключен из окладу
Пометка 133	Сыновья Ховарак бонтар	16	-	24	
	намтайцырын	-	7	-	новорожденной
	Зайсан Намжил Мохоевъ	35	-	-	В 1829 году помер
	Сын Бацагай	4	12	-	
Пометка 131	Бошикту Мохоевъ	20	-	28	
1 3 2 помета	Сынъ вашир даши	2	10	-	
306	Зайсан Боридха Унагановъ	53	60	-	
	Бадма Боридхаевъ	33	-	41	
	Сын зодбо	-	2	-	
	Дарацай Боридхаевъ	11	-	19	

Аргуни и оттуда до земель хун-тайши» в виде «содействия подводами, установки пограничных знаков, переводческими услугами, пропитанием государственных лиц и другими делами [Бурятские летописи, 1995: 9–10]. Впоследствии, согласно тексту Бурятских летописей, «вновь переселенным из России в Забайкалье поселенцам понадобилась земля, а поэтому от земель по рекам Ингода, Улунга и Тура были отрезаны 15 000 десятин земли», на которых кочевали роды бурят и тунгусов. После того как эти земли были переданы переселенцам, большинство хори-бурят перекочевало на берега рек Ага и Онон и «стали селиться вкупе с прежде находившимся там народом». Поэтому хоринские буряты разделились на две части, кочуя в двух

округах – Верхнеудинском и Нерчинском, однако числились в одном ведомстве – Хоринском.

Имя предводителя Саганского рода Моху Унаганая (прозвищное Мухуу Хапитан, т.е. Мухуу Капитан) овеяно легендами и рассказами как о весьма неординарном человеке. Под своим прозвищным именем Мухуу-Хапитан он известен в генеалогических преданиях хори-бурят, особенно у представителей Саганского рода. В экспедиционной поездке сотрудников НИЛ «Концептуальная систематика исчезающих и современных языков» Забайкальского государственного университета осенью 2020 года по селам Агинского бурятского автономного округа Забайкальского края записан ряд преданий об этом человеке у тех, кто относится к Са-

* Орфография и стиль документа сохранены.

ганскому роду, и проживающих в районах Агинского бурятского автономного округа (далее АБАО) Забайкальского края.

Как сообщил нам Мунко-Болот Дамбаевич Дамбаев (1954 г.р., уроженец с. Ага-Хангил Агинского района АБАО. Записано 21.11.2020 г.), «род Саганууд, или Саганский род делится на подроды Тугнэ-саганууд и Бээрэ-Саганууд (букв. тугнуйские (по названию местности Тугнуй) сагануты и бээрэ сагануты)», последний из которых якобы всегда обитал в агинских степях. «Мухуу-Хапитан славился своим трудолюбием и ответственностью. Рассказывают, что он имел обыкновение рано утром с холма, расположенного вблизи с улусом, оглядывать свое поселение-улус и отмечать те юрты, в которых очаг не был к этому времени разожжен, впоследствии делал нерадивым хозяевам замечание, отчитывая их за поздний подъем». «Мухуу-Хапитан старался бурят своего рода приучить к земледелию», понимая, по-видимому, прежде всего необходимость оседлой жизни взамен прежней кочевой у бурят в целях успешной интеграции последних к политике нового государства. Такая масштабность государственного мышления, как у предводителя Саганского рода Моху Унаганова предопределяла его политику родоначальника в целях сбережения своего рода, ведь кочевнический образ жизни у бурят во многом исключал эффективность их интеграции в российскую государственность.

По-видимому, в этот период истории народности предводителями, как правило, становились те люди, которые в первую очередь, понимали важность интеграции бурят в цивилизационные устои нового государства – России. Подобное наблюдалось и среди западных бурят. Исследователь В.А. Мунханов пишет, что «среди хозяйственных проблем “инородческого” управления на первом месте стояли вопросы развития земледелия в инородческих ведомствах. Вообще проблема развития земледелия среди “инородцев” рассматривалась как одна из стратегических задач государства, поскольку с переходом к оседлому образу жизни (наряду с принятием православия) связывалась русификация аборигенного населения Сибири. Ф.А. Кудрявцев пишет: «В 70-х годах XVIII века зачатки земледелия у хоринцев были, по-видимому, настолько незначительны, что путешественники Паллас и Георги даже не обратили на них

внимания, считая, что забайкальские буряты не знали тогда земледелия. В первой половине XIX века земледелие у хоринцев заметно увеличивается. В 1837 году посевная площадь достигала 21 800 десятин. <...> Хлеб шел преимущественно на удовлетворение собственных потребностей. Небольшие избытки хлеба продавались в своем районе. В урожайные годы хлеб продавался в казну, вывозился на продажу в г. Верхнеудинск и другие места» [Кудрявцев, 1940: 237]. Поскольку в XIX в. происходит интенсивное развитие земледелия в бурятских ведомствах, администрация прилагает большие усилия, поощрительными, а порой и принудительными мерами стимулируя этот процесс. Так, например, в 1817 г. Верхоленский тайша Имыев был награжден за усердное размножение земледельцев серебряным кортиком» [Мунханов, 2010: 99].

Можно полагать, что звание титулярного советника (статский классный чин Российской империи; титуловался «Ваше благородие») Моху Унаганов также заслужил своим ревностным отношением по внедрению оседлого образа жизни в среде агинской группы хори-бурят.

Другой респондент Дондок Будуевич Дашиянжипов (1941 г.р., уроженец с. Догой Могойтуйского района АБАО. Записано 22.11.2020 г.) рассказал нам о том, что в сс. Догой и Ушарбай Могойтуйского района представители рода Саганууд живут исконно, т.е. относятся к подроду Бээрэ-Саганууд. В сс. Цокто-Хангил, Ага-Хангил (бывш. колхоз «Победа») проживали те, которые относятся к Тугнэ-Саганууд, т.е. приезжие из пределов Тугнуйской долины. Этот род и возглавлял Мухуу-Хапитан, Моху Унаганов, умерший в 1824 году согласно ревизской описи 1830-1831 гг. Государственного архива Забайкальского края.

Также респонденты рассказали предание о том, что все свое нажитое имущество, которое, по-видимому, передать ему было некому по причине отсутствия сыновей, Моху Унаганов якобы спрятал. Мунко-Болот Дамбаевич Дамбаев поведал нам предание, что Муху Унаганов нанял слепого человека, который должен был отвезти нажитое им его добро на телеге в указанное место и спрятать там, где укажут. Однако это легендарное предание о Моху Унаганове было призвано отметить его смекалку, наличие врожденного ума. Судя по ревизской сказке, у Моху Унаганова

были сыновья, и не один. Зайсан Намжил Мохоев исполнял обязанности своего отца Моху Унаганова до своей смерти в 1829 г. Затем должность перешла, по-видимому, к его дяде Боридка Унаганову, который в ревизии записан зайсаном, т.е. должностным лицом. Согласно ревизской описи, к Саганскому роду было приписано всего 1114 мужских и 1204 женские души. Из этого числа 511 человек исключались из ясачной повинности по причине малолетства или старости, из них 16 душ записаны как «увечные и неимущие». Следует отметить большое число зажиточных бурят данного рода, что, несомненно, было достигнуто, в том числе, и усилиями предводителя – Моху Унаганова, Мухуу-Хапитана.

Задачей статьи является определение этноязыковой принадлежности личных имен семейного клана Моху Унаганова. Исторические антропонимы данной семьи представлены 12 именами, включая фамилию Унагановъ как основателя семейного клана: Моху (Мухуу), Бацагай, Бошикту, Вашир-Даши, Боридка, Бадма, Зодбо, Дарацай, Намжил, Намтай-Цырын (т.е. Намтай-Цэрен) и Бонтар. Производные – это фамилии Унагановъ, Мохоев, Боридхаев. До недавнего времени у бурят была принята двучленная патронимия, сменившаяся со временем трехчленной, заимствованной из русской системы.

Тибет-монгольскими именами из этого свода считаются имена Вашир от «апеллятивного ваджра ‘алмаз; громовой камень’, именующее ритуальный предмет, распространенный в Индии, Тибете» [см.: Бардаханова, 2020: 49], Даши > *Vkra-shes*: **Drashei* > *Dashi* > *Dash*; Бадма > **Phags-ma*: **Padma* > *Padma* > *Padma*; Зодбо от *Bzod-pa*: **Sodba* > *Sodba* > *Sodow*; Намжил > *Rnam-rgyal*: **Namjal* > *Namjal* > *Namjil*; и Цэрен > *Tshe-ring*: **Tsering* > *Tsering* > *Tseren*; Бацагай от тибетского *Pa-sangs*: **Basang* > *Basang* > *Baasan* [Atwood], т.е. Баасан. Можно предположить, что имя Бавасан – это алломорф от тибет-монгольского Баасан. Известно, что название звезды Венера по-монгольски будет Баасан. Этим именем в монгольской лингвокультуре называют пятый день недели – пятницу (баасан) [БАМРС,

Т.1: 360]. Возможно, сын Бацагай был рожден в пятницу. И имя было дано, вероятно, тибетским ламой-священнослужителем, т.к. изустное Бацагай – это тибетское *Pa-sangs*: **Basang* > *Basang*.

Такое имя, как Намтай в ревизской описи – это, предположительно, «испорченное» Намдак / Намдаг, которое по-тибетски будет *Rnam-dag*: **Namdag* > *Namdag* > *Namdag*. Следует учитывать изустную запись ревизских описей, где переписчики, не владея монгольскими языками, допускали всякого рода описки и ошибки в написании имен.

Антропонимический субстрат, т.е. дотибет-монгольские имена – это имена Моху Унагановъ, Бошикту, Боридка, Дарацай и Бонтар, языковое начало которых затемнено. В Словаре бурятских личных имен А.Г. Митрошкиной отсутствуют подобные или соответствующие этим именам антропонимы бурят [Митрошкина, 2013], значения этих имен не находят адекватного семантического объяснения из монгольских языков [БАМРС].

III. Результаты. Основываясь на предыдущих ономастических разысканиях, преимущественно описывающих явления субстратного характера, мы считаем возможным сопоставить личные имена с «затемненной» семантикой с апеллятивами некогда бывших самодоязычных народов, впоследствии тюркизированных и бурятизированных – тофаларскими и сойотскими. К примеру, имя Бошикту можно связать значением с атрибутивным тофаларского языка *бышыг* ‘крепкий, прочный’ [Рассадин, 2005: 28] + *-ту*, по значению оно соотносится с именами дезидеративного характера.

Отдельный интерес представляет имя Моху, или Мухуу. Оказалось, что данное имя весьма частотно в ревизиях хори-бурят. Так, мы выписали имена Моху (2 ед.) (Бодонгутский род), Мухай / Мухоева, Мухаева (несколько ед.) (Зунъ-Харганатский род), Мухунай (Хальбинский род), Моху / Мохуевъ, Моухаева (Кубдутский род), Мохуевъ и Мохуевъ (Шараитский и Батанайский роды) Агинской степной думы за 1851 год¹. Как видно, данное имя зафиксирова-

¹Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Фонд 1о. Оп. 1. Д. 17598. «Перепись инородцев Нерчинского округа. Ревизская сказка 1850 г. декабря 20 дня Иркутской губернии Нерчинского округа ведения Цугольской инородной управы о состоящих мужского и женского числа душ Кочевых инородцев Зун-Хоацайского рода». 979 л.

но в качестве личного имени у бурят разных родов, не являясь при этом тибет-монгольским именем, и поэтому значение имен типа Моху непонятно для носителей монгольских языков. Очевидно субстратное происхождение имени Моху / Мохуевъ.

Предполагая наличие каких-то тюркоязычных элементов в этногенезе бурят, мы обнаружили лексическую параллель с данным личным именем бурят в шорских эпосах. В именах персонажей шорских эпических сказаний Ай-Мөкө, Алтын-Мөкө, Кара-Мөкө/Мөкке, Мүндүр-Мөкке, Мүссү-Мөкө, Өктемеш-Мөке, Өрлемечек-Мүкү, Ылгер-Мөке одним из компонентов является имя Мөкө / Мөкке / Мүкү со значением «силач» [Функ, 2005: 11]. Д.А. Функ считает имена шорских эпических персонажей двусоставными, где условные форманты или компоненты, являясь отдельным апеллятивом, номинируют физические характеристики, возраст богатыря / богатырши по своему лексическому значению. Мы полагаем возможным связать хори-бурятское личное имя Моху / Мухуу с именем Мөкө / Мөкке / Мүкү шорского языка. Дезидеративность, благопожелательный потенциал шорского имени, возможно, явился именно тем мотивировочным признаком, которое и стало номинативным признаком имени Моху / Мухуу хори-бурят. Тюркоязычное имя Мөкө / Мөкке / Мүкү как антропонимический субстрат при «переходе» в бурятский язык видоизменилось до формы Моху / Мухуу. В бурятском отсутствует консонант *k*, потому форма шорского имени Мүкү легко «превратилась» в бурятское Мухуу, или Мухүү посредством подмены инлутного *-k-* в *-h-*.

Самодийское, а именно сойотское начало личных имен можно дополнить и подтвердить версией о значении фамилии Унагановъ, где атрибутивное *үнигән* ‘быстрорастущий (о растении)’ [см.: Рассадин, 2003: 123] также могло стать антропоосновой, т.к. производное от атрибутива имя *Үнигән* могло стать именем собственным благопожелательного характера. К тому же в Бурятских летописях упоминается именно форма Унаганай [см.: Бурятские летописи, 1995: 10; 22; 23], что позволяет нам склониться к сойотскому началу фамилии. Подобный принцип имянаречения прослеживается в истории описания этнонима *удмурт*, к примеру.

Первое корневое уд- некоторые исследователи (к примеру, Т.И. Тепляшина), описавшие этимологию этнонима *удмурт*, сопоставляют с апеллятивами удмуртского языка уд ‘1. росток; всходы; 2. рассада’, *ист. этноним* удмуртов уд ‘название племени’, что понимается как рост вверх; приумножение рода; [*рождение – Р.Ж.*] нового человека [см.: Максимов, 2008: 108–118]. В этом обнаруживается сема ‘укрепляться, поправляться, улучшаться; становиться на ноги; приходить в хорошее состояние’, что актуализирует благопожелательность первой части этнонима *уд-мурт*. Очевидно, что данный принцип дачи имени роду или человеку представляет собой древнейший принцип имянаречения.

Записанная в ревизских описях форма Унагановъ и лексически, и морфологически представляет собой «позднюю», русифицированную форму патронима, с финальным формантом *-овъ*. В последующем, особенно в связи с изменением языкового сознания по причине ассимиляции, к примеру, сойотов в монголоязычной среде, субстратные сойотские имена «приобретают» иное значение. Можно понимать значение фамилии Унагановъ от бурятского апеллятивного *унаган* ‘жеребенок’, такое имя прозвищного характера зафиксировано в статье В.В. Башкуева «Своеобразии личных имен предбайкальских бурят» [Башкуев, 1981: 35]. Особенность изменения значений личных имен, особенно архаичных, обусловлена изменением их исходного значения посредством контаминации. Контаминация – это универсальный для разных языков и их единиц принцип взаимодействия друг с другом единиц одного системного уровня вследствие исторических изменений в языке [Ефанова, 2016: 8–9]. В языческой антропонимии контаминация имеет особую значимость, чем и объяснимы принципы возникновения или нового «имени», или «нового» значения имени. Поэтому можно условно считать именно апеллятив бурятского языка *унаган* ‘жеребенок’ антропоосновой «нового» имени Унагановъ (ср. русск. Жеребцов). В традиционном именнике хори-бурят подобной фамилии не имеется [Митрошкина, 2013], что свидетельствует об архаичности патронима.

Авторская гипотеза о сойотском языковом начале личного имени Унаганай обусловлена тем, что в соответствии с отпатронимным ха-

рактором записанной формы Унаганай в Бурятских летописях при посредстве морфологических норм бурятского языка позволяет выделить суффиксальной –*най* как транслитерированный вариант бурятского суффикса посессивности –*нэ* («чей-то»), т.е. отца Моху Унаганова звали Унаган. А поэтому корневое *унаган* сопоставимо с сойотской лексемой *үнигэн* ‘быстрорастущий (о растении)’, отражая понятие благожелательности при даче имени новорожденному, однако в концептосфере сойотской лингвокультуры как весьма архаичной, традиционной. «Превращение» интервокальных гласных аппелятивного *үнигэн* -i- и -э- мягкого ряда в бурятское твердое -а- аппелятивного *унаган* ‘жеребенок’ обусловлено явлением межъязыковой омонимии вследствие исторических ассимиляционных процессов «обурячивания» некогда тюркоязычных сойотов. Также не исключено и то, что смена значения имени Унаган могла произойти по причине трансфера как результата межъязыковых взаимодействий [Лещенко, 2018: 26–30], особенно в среде типологически родственных языков или близкородственных, каковыми и считаются тюркские и монгольские языки, а также в условиях би- или трилингвизма. Однако первичность самоедоязычности личного имени Унаган представляется очевидной, учитывая непростую судьбу сойотов – алтае-саянских самоедоязычных народов с оленеводческим типом хозяйствования и давшим начало многим народам Сибири, не исключая и хори-бурят в том числе. И.В. Рассадин пишет: «Как уже отмечалось в научной литературе, предки современных сойотов были тюркоязычными оленеводами, родственными тувинцам-тоджинцам и тофаларам, и где-то около 300-400 лет тому назад переселились со своими оленями сначала в Тунку, а оттуда в Оку из Монголии из окрестностей озера Хубсугул, где они обитали в сомонах Ханха и Ринчинлхумбэ. Там до сих пор обитают тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют цаатанами <ссылка на Бадамхатан С.>. На своей новой родине сойоты быстро сблизилась с бурятами, чему

немало способствовала родовая экзогамия, когда сойоты были вынуждены брать себе жен у соседних бурят. Данное обстоятельство повлекло, по-видимому, за собой довольно быстрое обурячивание сойотов, о чем в свое время упоминал и профессор Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри, проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойототов...» [Рассадин, 2018: 139–148].

Особую трудность представило личное имя Дарацай, которое также можно интерпретировать от тофаларского дыырақ ‘быстрый, скорый’ [см.: Рассадин, 2005: 33] или аппелятива торай [тораэ] ‘медвежонок’ [Рассадин, 2005: 95] + аффиксальное -цай. Близким к тофаларскому торай [тораэ] ‘медвежонок’ может быть личное имя типа Дара(й) или Тора(й) в именнике хори-бурят. Для фонологии бурятского языка нехарактерно в инлауте звука [т], поэтому изолексами архаичного имени Торай могут быть имена Дара(й) с производными патронимами. Любопытно, что подобного рода имена имеются во многих родах¹ хори-бурят: Дара (Барун-Хоацайский), Дара (Шараитский и Батанайский), много имен Дара в Бодонгутском роду, Дыра (Дара?) (Кубдутский), Дара Забь, Дара (много) (Саганский род). Эти имена, как и их лексические варианты Тара, Таракъ, Торик с производными Таракъ, Таракъ, Ториковъ, Тороевъ и Даргуевъ (Зун-Харганатский род), Дархуевъ, Тороевъ (Зун-Хоацайский род), Дороки (много) и Дорони (Кубдутский род), Дорокиевъ (Саганский род) можно соотнести с тофаларским аппелятивным торай [тораэ] ‘медвежонок’.

В пользу данной гипотезы, которая предполагает объяснение значения данных имен типа Дара / Тара и Торикъ как тофаларских, можно привести следующие доводы. Во-первых, для архаичных имен типичны антропомодели «по признаку тематической атрибуции корня-этимона» [см.: Малиновская, 1989], когда выделяют имена, образованные от названий животного мира. Во-вторых, тофалары и сойоты – это охот-

¹Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Фонд 1о. Оп. 1. Д. 17598. «Перепись инородцев Нерчинского округа. Ревизская сказка 1850 г. декабря 20 дня Иркутской губернии Нерчинского округа ведения Цугольской инородной управы о состоящих мужского и женского числа душ Кочевых инородцев Зун-Хоацайского рода». 979 л.

ники, оленеводческий тип хозяйствования обусловил их «бродячий» характер передвижения, когда они покрывали огромные пространства всей Сибири. В-третьих, значение личных имен всегда мотивировано принципом дезидеративности, а потому и имена, образованные от названий животных, включая их детенышей, приобретали со временем отпрозвищный характер. Известно, что именованья медведя и некоторых других диких животных, как правило, представляют собой табуированную лексику для сибирских народов, однако можно предположить, что наименование медвежонка могло представлять собой исключение. Мотивировочным признаком имени являлось, по всей видимости, желание «присвоить» новорожденному характеристики детеныша такого сильного, умного зверя, как медведь. Исследователи селькупской антропоники С.М. Малиновская и Л.М. Райская справедливо считают, что «что среди корней-мотиваторов, положенных в основу зафиксированных в документах XVII в. собственных мужских имен, преобладают названия, связанные с биологическим видами и атрибутикой рыб, животных, птиц, растений и других представителей флоры и фауны. Это, бесспорно, весьма древний, если не самый архаичный, пласт селькупской антропоники» [Малиновская, Райская, 2016: 241–246]. Поэтому данный принцип имянаречения вполне возможен и в отношении ныне тюркоязычных тофаларов [Рассадин, 2014], особенно в их самодозычную бытность.

В эту антропомодель может уложиться и ряд имен с «затемненной» семантикой хори-бурят: Дархуевъ, Тороевъ (З-Х), Таракъ, Торик / Ториковъ, Тороевъ, Таракъ и Тараховъ (З-Харг.), Дороки (много имен), Дорони (Кубд.), а также Дорокиевъ и Торикъ (Саг.), которые, предположительно, могут являться именами, этимоном которых представляется сойотское тоорһы [тоорһысы – форма Р.п.] ‘кабарга’, тофаларское тоорғу [тоорғусу] ‘кабарга’ [Рассадин, 2003: 105; Рассадина, 2005: 95].

Имя Боридка / Боридхаевъ встретилось в ревизских описях как единичное и уникальное. Значение данного имени можно связать с апеллятивом тофаларского языка быраат ‘бурят’ [см.: Рассадина, 2005: 28] + аффиксальное *-ха(й)* < *-ка*. Наличие отэтнонимного начала личного имени возможно, т.к. известно, что древние са-

модийцы (тофа и сойоты) составили, как пишут многие исследователи, этническую основу многих народностей Сибири, в том числе и хори-бурят. Нами описано, к примеру, сойотское начало имени главного тайши агинских бурят Тугулдура Тобоева [Жамсаранова, 2020: 263–266], где фамилия Тобоев является производным от этнонима тофа или туба(лар)ы, т.е. тофаларов.

Следующим предметом обсуждения является историография такой персоны, как титулярный советник Мошу Унагановъ, описание вклада этого человека в историю хори-бурят. Н.П. Егунов пишет: «когда род сильно увеличился и подрастали поколения, из-за интересов его ветвей прибегали к дальнейшему разделению. На обряд разделения родов съезжались все старики, старшие в роде (по ветвям его). Все собравшиеся молились духам и душам предков и на границе земли родов (на меже) ломали надвое котел и лук и говорили о том, что две половины котла и лука никогда больше не составят теперь рода» [Егунов, 1990: 89]. Возможно, что увеличение рода и послужило причиной переселения Саганского рода в агинские степи. Однако напомним, что род этот по сравнению с другими был не столь многочисленным, как Хоацайский или Харганатский, которые поделались на 2 рода: Барунъ-Хоацайский и Зунъ-Хоацайский, Зунъ-Харганатский, Барунъ-Харганатский (досл. Западный Хоацайский, Восточный Хоацайский и т.д.).

Как было упомянуто выше, буряты, проживая в двух округах – Верхнеудинском и Нерчинском, были приписаны к Хоринской степной думе, образованной в 1824 г. на месте Хоринской братской степной конторы и первоначально объединявшей 11 родов хори-бурят. С 1745 г. центр Хоринского ведомства располагался в небольшом зимовье на южном склоне горки Худаг вверх от низовьев р. Ана. В 1797 г. здание конторы было перенесено в местность Улан-Бурга-сан, находящуюся на северной стороне р. Ана, выше Анинского селения, а в 1806 г. было перенесено в Анинское селение. Здание Хоринской думы было построено в 1848 г. Здание – деревянное, длиной 10 четвертей, шириной 4 четверти, высотой 3 четверти, которое состояло из нескольких частей: 1) монгольская канцелярия; 2) русская канцелярия; 3) монгольский архив; 4) русский архив; 5) комната казначейская;

б) комната присутствия. Жители ведомства жили в 297 деревянных домах, 7533 войлочных и 2412 деревянных юртах, имели 11 общественных деревянных зданий: здание степной думы, одну часовню, семь дацанов, одно училище [Дамешек, 2013: 231]. В 1824 г. главным тайшой Степной думы становится Жигжид Дамба-Дугаров. По данным 1843 г., в ведомстве состояли 32 542 чел., основой хозяйственной жизни хоринцев являлось скотоводство [Шагдурова, 2011].

В думе было учреждено 14 родовых управ: Галзотская, Барун-Харганатская, Зун-Харганатская, Барун-Хоацайская, Зун-Хоацайская, Барун-Кубдудская, Зун-Кубдудская, Батанайская, Шарайтская, Бодонгутская, Ходайская, Гучитская, Цаганская, Хальбинская и Курбинское отдельное общество. Всего по Хоринскому ведомству числилось 38 303 чел. Например, самой малочисленной управой была Цаганская – всего 546 жителей, многочисленной – Галзотская управа, в которой проживали 4589 жителей. Неравномерность распространения населения по управам объясняется приоритетом родового принципа организации органов самоуправления хоринских бурят [Жалсанова, Курас, 2016].

Согласно другим источникам, Хоринская степная дума была образована в 1822 г. С.Ю. Даржаев пишет, что «Хоринская степная дума (в статистических сведениях о народонаселении за 1848 г. дума иногда называется Анинской или Онинской степной думой) была образована уже в 1822 г., Кударинская и Баргузинская – в 1824 г., Селенгинская – в 1825 г.». Хоринское бурятское ведомство состояло из 11 родов и включало первоначально все население современного Хоринского района и Агинского округа. В 1824 г. главным тайшой уже степной думы был утвержден Жигжид Дамба-Дугаров. Последним главным тайшой степной конторы был Дембил Галсанов. По данным 1843 г., в ведомстве состояли 32 542 чел. По отчету Хоринской степной думы за 1849 г., денежный доход от скотоводства, которое было основой хозяйственной жизни, составлял 44 483 руб. общей суммы исчисленного в ведомстве дохода в 51 963 руб.» [Даржаев, 2011: 159–163].

Как пишут исследователи Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас, опираясь на работы С.О. Патканова, в 1912 г. опубликовавшем статистические данные о населении Сибири по ма-

териалам переписи 1897 г., где подробно описаны все места обитания инородцев-кочевников: «Например, только по ведомству Хоринской степной думы имеется список 655 названий урочищ и улусов, в которых проживало 49 766 бурят, 370 русских, 73 еврея и 57 тунгусов, китайцев, поляков и прочих, в Селенгинском ведомстве в 183 местностях проживало 31 610 бурят, 66 русских и 13 прочих и т. д.» [Дамешек, 2013: 12–13]. Авторы отмечают, что обнаруженная ими в ходе исследовательской работы с фондами Государственного архива Республики Бурятия карта ведомства Хоринской степной думы за 1878 г. показывает план расположения с. Онинское, Онинского миссионерского стана, а также земель, отведенных степной думой крещеным бурятам. Исследователями отмечено, что именно факт отведения земель крещеным бурятам, нашедший отражение во многих архивных документах и мемуарах миссионеров, значительно дополняет и расширяет тему исследования о заселении подведомственных Хоринской думе земель населением крестьянского сословия.

В 1839 г. из Хоринской степной думы выделена Агинская степная дума. Агинская степная дума, согласно архивным документам Государственного архива Забайкальского края, была образована 16 июля 1839 г. на основании приказа Нерчинского окружного начальника во исполнение указа Иркутского губернского правления от 26 мая 1839 г. Исследователи заключают, что выделение Агинской степной думы из ведения Хоринской степной думы было обусловлено отдаленностью «породных» земель бурятских родов, кочевавших смежно с тунгусскими родами, относящимися к Урульгинской степной думе.

В Энциклопедии Забайкалья об Агинской степной думе как административно-территориальном органе самоуправления агинских бурят написано следующее: «образована 16.6.1839 на основании приказа Нерчинского окружного нач. во исполнение Указа Иркутского губернского Правления от 26.5.1839. До образования Думы ее функции фактически исполняла Агинская главная инородная Управа, представлявшая собой полицейское финансово-хозяйственное учреждение с подчинением Хоринской степной Думе и земской полиции. В состав Думы вошли Бырка-Цугольская, Кялинская, Могойтуйская, Саган-Шулутайская,

Тут-Халтуйская, Цугольская инородные управы. Первый тайша Агинск. Думы – Зангия Данжинов (1842–58), позже – Жиан Бодиин, занимавший должность до волостной реформы. В 1903 Агинская степная дума упразднена согласно временному положению об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области, утвержденному императором 23.4.1901. Образованы Агинская и Цугольская инородческие волости»¹. Такова вкратце история Агинской степной думы, в ведение которой был приписан Саганский род под началом Моху Унаганова.

Обращение к тексту «Бурятских летописей», имеющих во многом и документальную достоверность, позволило проследить дальнейшую судьбу семейного клана Моху Унаганова. Будучи изгнанными со своих земель, буряты бассейнов рек Ингода и Чита, Тура согласно указанию от губернского начальства от 22 марта 1703 года заняли незанятые земли по берегам рек Ага и Онон. Стали известны как семь родов агинских хори-бурят: харагана, хуацай, галзут, саган, шарайт, хубдуг, бодонгут – и находились в ведении хоринских тайшей. Примерно с 1780 года ими стали управлять и возглавлять их с утверждения хоринских тайшей агинские главные зайсаны [Бурятские летописи, 1995: 21]. «В это время по приказу главного хоринского тайши Ринчинэй прикочевывал в 1803 году с реки Тугнуй и прибыл к реке Ага со многими товарищами зайсан саганского рода титулярный советник Моху Унаганай, для того чтобы быть среди агинских и ононских бурят главным и обучать их земледелию. Он главенствовал и возглавлял их вместе с прежде существовавшими главными» [Бурятские летописи, 1995: 22].

Далее в Бурятских летописях подробно рассказывается обо всех случившихся событиях по постройке буддийского дацана в Аге, где упоминается имя Намжил Мохына, т.е. сын того самого Моху Унаганая. «В 1817 году, когда агинский главный зайсан Намжил Мохын был удостоен милости – золотой медали, прибыл в Агу с целью пожаловать ту медаль и обозреть магазины [экономические или хлебные магазины – Р.Ж.]

верхнеудинский земский исправник Геденшорм. В то время он его отправил назад², подарив ему 4000 рублей деньгами и 6000 пудов хлеба. В конце того же 1817 года главный тайша Галсанай отправился в Агу и произвел выборы агинского главного зайсана Намжил Мохын в агинские тайши без объявления местным сайтам и народу и без согласия их. Он получил обманом подписи сайтов и народа и отправился в Иркутск. В результате представления господину иркутскому гражданскому губернатору зайсан Мохын был произведен в агинские тайши и утвержден в 1818 году» [Бурятские летописи, 1995: 24–25]. Это незаконное назначение спровоцировало многочисленные жалобы, прошения, докладные и доносы об обстоятельствах утверждения главным тайшой Намжила Мохына. В этом же году его отстранили от должности, заставив «выплатить народу 16 500 рублей», в чем он и вынужден был дать «подписку в этом. Часть этой суммы он впоследствии выплатил народу, часть же народ так и не получил, так и оставил...» [Бурятские летописи, 1995: 25]. Согласно ревизской описи от 1830 года, Намжил Мохын (или Мохоевъ, как записан в ревизии) умер в 1829 году, и, по-видимому, зайсаном Саганского рода стал его дядя Боридха Унагановъ.

По поводу прозвища Моху-Хапитан, точнее второй части «хапитан» мы полагаем, что это «испорченное» маньчжурское слово хафишанга «польщенный, принявший лесть за самое дьло; (по китайски) надввший высокую шапку» [Захаров, 1875: 398], которое в свою очередь является производным от слов хафаси «названия древняго чина, слъдовавшаго послъ дайфань; хафань «чиновникъ, офицеръ, носящій на шапкъ шарикъ извъстной степени» [Захаров, 1875: 396–397]. Известно, что во времена правления империи Цин должности хафань и тушань понимались как именованья «чиновного достоинства, чина», а поэтому исходное маньчжурское хафишанга «превратилось» посредством контаминации в почти русское «капитан», произносимое по-бурятски «хапитан». У монгольских князьков бытовал

¹Источник: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=445> © Энциклопедия Забайкалья. Дата обращения 20.02.2021.

²Стиль сохранен

чин тушемил, который, вероятно, является производным от цинского тушань.

Все должностные чины носили на своих шапках шарики: рубиновые, непрозрачные красные шарики из коралла, прозрачные голубые шарики из сапфира, чиновники четвертого ранга – непрозрачный голубой шарик, прозрачный шарик из хрусталя, чины шестого ранга – непрозрачный перламутровый шарик, а с седьмого по девятый ранг носили шарики разного вида из золота или прозрачного янтаря¹, что позволяет сопоставить наименование чина хафишанга на маньчжурском языке с «хапитан» – вторым компонентом личного имени предводителя Саганского рода Мохуу-Хапитана.

Известно, что в Хоринской и Агинской степных думах почти все внутренние документы, регламентировавшие отношения на уровне степная дума – родовое управление, равно как и личные канцелярии должностных лиц – тайшей и зайсанов, велись на старомонгольской письменности [Мунханов, 2010]. В.А. Мунханов пишет, что «ведомства хоринских бурят (территория современных Республики Бурятия и Забайкальского края) подверглись гораздо большему влиянию ламаизма, нежели остальные группы бурятского населения Прибайкалья, старомонгольская письменность получила здесь широкое распространение. Учитывая сложившуюся у забайкальских бурят семейную традицию обучения одного из детей в дацанах, недостатка в людях, знакомых со старомонгольской грамотой, не возникало. Однако, наряду с внутренним делопроизводством, все бурятские ведомства должны были сношаться и с русской администрацией, и в этом случае обязательным было знание русской грамоты. Но в плане изучения внутренней структуры степных дум, порядка деятельности и взаимодействия с низовыми звеньями документы на старомонгольской письменности представляют несомненную ценность» [Мунханов, 2010: 98]. К сожалению, в ревизской сказке Саганского рода 1831 года мы не обнаружили личной подписи с печатью титулярного советника Моху Унаганова, т.к. к этому времени его уже не было в живых. Потому не представилось возможности прочесть его подпись на старописьменно-мон-

гольском языке, что позволило бы доказать наше предположение о маньчжуроязычности его чина хафишанга < хафань, хафаси, измененного до «хапитан».

IV. Обсуждение. Таким образом, предварительный анализ личных имен отдельного клана семейства титулярного советника Моху Унаганова обнаруживает неоднозначный этноязыковой состав, который можно определить как тюрко-самодийский антропонимический субстрат в именнике отдельного семейного клана хори-бурят. Предлагаемая авторская версия о наличии самоедоязычного – сойотского и тофаларского – антропонимического субстрата в сводке исторической антропоники Саганского рода хори-бурят доказательно верифицирует гипотезу не только о сложности этнического состава хори-бурят, но и подтверждает высказанную ранее версию об «участии» самодийцев в этногенезе хори-бурят.

V. Заключение. Таким образом, предварительные исследования в сравнительно-сопоставительном аспекте личных имен отдельного семейного клана позволяют сделать вывод о специфике исторических антропонимов, отражающих этническую, коммуникативную, языковую структуры в ее синхронии и диахронии, и при этом, обладая свойством консервации архаичных явлений, сами становятся источником для реконструкции древнейших этноязыковых процессов. Отдельные личные имена семейного клана предводителя Саганского рода Моху Унаганая (Унаганова) оказались тюркоязычного и сойотско-тофаларского языкового происхождения, согласуясь с результатами описанных ранее самоедоязычной топонимией и этнонимией Восточного Забайкалья.

Удалось определить лексическое значение отдельных имен клана Унагановых, что позволило выявить типологически значимое наличие антропомодели с благопожелательной семантикой. Добавим, что данная антропомодель значима для языческих имен почти всех сибирских народов. К тому же описываемая этнокультурная специфика личного имени соответствует этнографии сибирских народов, вербализуя этническое самосознание, проявляя тем самым наличие определенных принципов имянаречения.

¹<http://pu-yi.narod.ru/ranks.html>. Дата обращения 02.03.2021 г.

Список литературы:

Бардаханова З.Д. Личное имя Вашир ~ Очир в историческом именнике хори-бурят // Универсальное и специфическое в вербальных традициях народов современной России. Тезисы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2020. С. 48–50. URL: <https://www.philology.nsc.ru/conf/Yazyki-2020.php> (дата обращения 15.02.2021).

Башкуев В.В. Своеобразие личных имен предбайкальских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Сборник статей. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1981. С. 23–40.

Бурятские летописи [Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова]. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1995. 198 с.

Дамешек Л.М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.: монография [Отв. ред. Б.В. Базаров]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

Даржаев С.Ю. История Бурятии: в 3 томах. XX–XXI вв. Т.2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 159–163.

Егунов Н.П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.

Ефанова Л.Г. Контаминация. Основные разновидности контаминации // Вестник Томского государственного университета. Филология. Часть 2. 2016. №1 (39). С. 5–14.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Хоринской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.) // Сборник документов, перечень документов [Авторы-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров]. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 592 с.

Жамсаранова Р.Г. Власть и имя в номадизме: когнитивный аспект // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения». Сборник материалов IX Международной научной конференции. Часть I. М., 2020. С. 263–266.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2020. 400 с.

Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С. Межъязыковые взаимодействия и межъязыковые влияния как проявление языковых контактов // Социо- и психолингвистические исследования. Выпуск 6. 2018. С. 26–30.

Максимов С.А. Самоназвания удмуртов и бесермян, их варианты, названия соседних народов в языке удмуртов и бесермян // *Linguistica Uralica*. XLIV, 2008. № 2. С. 108–118.

Малиновская С.М. Традиционный селькупский именник и его историческая модификация // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 155–161.

Малиновская С.М., Райская Л.М. Мотивационные признаки в древнеселькупском антропонимиконе // Вестник Сибири. 2012. № 5(6). С. 241–246.

Мунханов В.А. Документы бурятских степных дум как источник по изучению административной политики российской империи в Сибири в XIX в. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/dokumenty-buryatskih-stepnyh-dum-kak-istochnik-po-izucheniyu-administrativnoy-politiki-rossiyskoy-imperii-v-sibiri-v-xix-v> (дата обращения: 01.04.2017).

Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. унта, 2014. 218 с. Библиогр.: С. 201–212, 243.

Рассадин И.В. Об особенностях способов и средств передвижения у сойотов до перехода на оседлость // Байкальские встречи - X: культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. С. 139–148.

Функ Д.А. Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение. Май 2005. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> (дата обращения: 20.02.2021).

Шагдурова И.Н. Степные конторы – органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: БГУ, 2011. № 7. С. 20–24.

Atwood Ch. Searchable list of Mongolian versions of Tibetan names. URL: <https://upenn.academia.edu/ChristopherAtwood> (дата обращения: 15.01.2021).

Словари:

Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1875. 1129 с.

Митрошкина А.Г. Словарь бурятских личных имен [Науч. ред. Г.С. Доржиева]. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. 200 с.

Рассадин В.И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учеб. пособие для уч-ся ср. шк. СПб.: Изд-во «Дрофа Санкт-Петербург», 2005. 295 с.

Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь [Отв. ред. И.Д. Бураев]. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2003. 180 с.

References:

Atwood Ch. Searchable list of Mongolian versions of Tibetan names. URL: <https://upenn.academia.edu/>

[ChristopherAtwood](#) (date of the application: 15.01.2021). (In English)

Bardahanova Z.D. Lichnoe imja Vashir ~ Ochir v istoricheskom imennike hori-burjat [Personal name Vashir ~ Ochir in the historical set of the Kgori-Buryat's names]. *Universal'noe i specificheskoe v verbal'nyh tradicijah narodov sovremennoj Rossii. Tezisy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern Russia. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, 2020. Pp. 48-50. <https://www.philology.nsc.ru/conf/Yazyki-2020.php> (date of the application: 15.02.2021). (In Russian)

Bashkuev V.V. Svoeobrazie lichnyh imen predbajkal'skih burjat [The peculiarity of the personal proper names of the pre-Baikal Buryats]. *Burjatskie antroponymy i toponimy. Sbornik statey* [Buryat anthroponyms and toponyms. Digest of articles]. Ulan-Ude: Buryat Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1981. Pp. 23-40. (In Russian)

Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' v 4-kh tomakh [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary in 4 volumes]. https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (date of the application: 15.01.2021). (In Russian)

Burjatskie letopisi. Sostaviteli Sh.B. Chimitdorzhiev, C.P. Vanchikova [Buryat Chronicles. Compiled by Sh.B. Chimitdorzhiev, S.P. Vanchikova]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 198 p. (In Russian)

Dameshek L.M. *Istorija organov mestnogo samoupravlenija burjat v XIX – nachale XX vekov: monografija*. Executive editor B.V. Bazarov [The history of the administrative organs of the Buryats in XIX-XX centuries]. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State university, 2013. 503 p. (In Russian)

Darzhayev S.Ju. *Istorija Burjatii: v 3 tomah. XX–XXI vv.* [The history of Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat Scientific Centre of The Siberian Department of the Russian Academy, 2011. T. 2. Pp. 159-163. (In Russian)

Efanova L.G. Kontaminacija. Osnovnye raznovidnosti kontaminacii [Contamination. The main types of contamination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. Part 2. 2016. № 1 (39). Pp. 5-14. (In Russian)

Egunov N.P. *Burjatija do prisoedinenija k Rossii* [Buryatia before joining Russia]. Ulan-Ude: Buryat Printing House, 1990. 176 p. (In Russian)

Funk D.A. Antroponimicheskie modeli v bytovoj kul'ture i v jepicheskikh tekstah (materialy po tjurkskim

narodam juga Zapadnoj Sibiri) [Anthroponymic models in everyday culture and in epic texts (materials on the Turkic peoples of the South of Western Siberia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. May 2005. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> (date of application 20.02.2021). (In Russian)

Kudrjavcev F.A. *Istorija burjat-mongol'skogo naroda* [The history of Buryat-Mongol people]. Ulan-Ude: Nova-Print Publ., 2020. 400 p. (In Russian)

Leshhenko Ju.E., Ostapenko T.S. Mezhjazykovye vzaimodejstvija i mezhjazykovye vlijanija kak pojavlenie jazykovyh kontaktov [Crosslinguistic interactions and crosslanguage influences as a manifestation of language contacts]. *Socio-linguistic research*. Edition 6. 2018. Pp. 26-30. (In Russian)

Maksimov S.A. Samonazvanija udmurtov i besermjan, ih varianty, nazvanija sosednih narodov v jazyke udmurtov i besermjan [Self-names of Udmurts and Besermjans, their variants, names of neighboring peoples in the language of Udmurts and Besermjans]. *Linguistica Uralica*. XLIV, 2008. № 2. Pp. 108-118. (In Russian)

Malinovskaja S.M. Tradicionnyj sel'kupskij imennik i ego istoricheskaja modifikacija [Traditional Sel'kup set of name and its historical modification]. *Questions of Finno-Ugric onomastics*. Izhevsk, 1989. Pp. 155-161. (In Russian)

Malinovskaja S.M., Rajskaia L.M. Motivacionnye priznaki v drevnesel'kupskom antroponimikone [Motivational signs in the ancient Selkup system of anthroponyms]. *Vestnik Sibiri*. 2012. № 5(6). Pp. 241-246. (In Russian)

Mitroshkina A.G. Slovar' burjatskih lichnyh imen. Nauchnyy redaktor G.S. Dorzhieva [Dictionary of Buryat proper names. Scientific editor: G.S. Dorzhieva]. Ulan-Ude: Printing House of the Buryat State University, 2013. 200 p. (In Russian)

Munhanov V.A. *Dokumenty burjatskih stepnyh dum kak istochnik po izucheniju administrativnoj politiki rossijskoj imperii v Sibiri v XIX v.* [Documents of the Buryat Steppe Dumas as a source for the study of the administrative policy of the Russian Empire in Siberia in the XIX century]. <http://www.cyberleninka.ru/article/n/dokumenty-buryatskih-stepnyh-dum-kak-istochnik-po-izucheniyu-administrativnoy-politiki-rossijskoj-imperii-v-sibiri-v-xix-v> (date of the application: 01.04.2017). (In Russian)

Rassadin I.V. Ob osobennostjakh sposobov i sredstv peredvizhenija u sojotov do perehoda na osedlost' [About the features of the methods and means of transportation of Soyots before the transition to sedentary life]. *Baykal'skie vstrechi – X: kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Baikal Meetings – X: Cultural memory and cultural

identity in the context of globalization. Materials of the international scientific and practical conference]. Ulan-Ude: Publishing house: Publishing and printing complex of FGBOU V VSGIK, 2018. Pp. 139-148. (In Russian)

Rassadin V.I. *Slovar' tofalarsko-russkij i russko-tofalarskij: ucheb. posobie dlja uch-sja sr.shk* [Tofalar-Russian and Russian-Tofalar Dictionary: textbook for students of the secondary schools]. St.Peterburg: Drofa St.Peterburg Printing House, 2005. 295 p. (In Russian)

Rassadin V.I. *Sojotsko-burjatsko-russkij slovar'*. *Otvetstvennyy redaktor I.D. Buraev* [Soyot-Buryat-Russian dictionary. Executive editor. I.D. Buraev]. Ulan-Ude: Republican printing house Printing House, 2003. 180 p. (In Russian)

Rassadin V.I. *Tofalarskij jazyk i ego mesto v sisteme tjurkskih jazykov* [Tofalar language and its place in the system of the Turkish languages]. Elista: Printing House of the Kalmyk State University, 2014. 218 p. Bibliogr.: Pp. 201-212. (In Russian)

Shagdurova I.N. Stepnye kontory – organy samoupravlenija burjat v period Rossijskoj imperii [Steppe Offices – Self-governing bodies of Buryats in the period of the Russian Empire]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2011. № 7. Pp. 20–24. (In Russian)

Zaharov I. *Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'* [Full Man'chshu-Russian dictionary]. St.Petersburg: Printing house of the Emperor Academy of Science, 1875. 1129 p. (In Russian)

Zhalsanova B.C., Kuras L.V. *Istorija Horinskij stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Burjatija (1825–1904 gg.): sbornik dokumentov, perechen' dokumentov. Avtory-sostaviteli B.Ts. Zhalsanova, L.V. Kuras; nauchnyy redaktor B.V. Bazarov* [The history of the Khorinsk steppe duma in documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (1825-1904). Author-compilers B.C. Zhalsanova, L.V. Kuras. Scientific editor. B.V. Bazarov]. *Irkutsk: Ottisk Publishing House*, 2016. 592 p. (In Russian)

Zhamsaranova R.G. Vlast' i imja v nomadizme: kognitivnyj aspekt [Power and proper name in nomadism: cognitive aspect]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professional'nogo obshcheniya. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Actual problems of linguistics and linguodidactics, a foreign language of business and professional communication. Collection of materials of the IX International Scientific Conference]. Part I. Moscow, 2020. Pp. 263-266. (In Russian)

R.G. Zhamsaranova

Mokhu / Mukhuu Unaganov, the Founder of the Sagan Clan of the Aginsk Steppe Duma as a Historical Anthroponym

Scientific novelty. This article is devoted to the historiography of both the personality of Mohu or Muhuu Unaganov – the leader of the Sagan family of the Khori-Buryat Aginsk steppe duma and the definition of the ethno-linguistic identity of his personal name, as well as the description of some historical facts from the past of the family clan. The article attempts to determine the meaning of a number of names of the Unaganov family clan. The material of the study was the census of the Sagan family from 1830-1831, stored in the State Archive of the Zabaikal'sky krai. This article is devoted to the description of a possible Soyot-Tofalar substrate in the set of historical names of the Khori-Buryats, thereby making a certain contribution to the development of Siberian anthroponymy. The *aim* of this article is to describe the biographical and other data of a separate person – the leader of one of the 11 clans of the Khori-Buryat – Sagan. The specific *tasks* of the article are to analyze the personal name of this leader and the names of members of the Unaganov family clan, which objectifies the author's hypothesis about a different linguistic identity of personal names than Mongolian or Buryat. The *research* methodology is based on the use of the following scientific *methods*: comparative, typological, descriptive, continuous sampling, onomasiological.

The *results* of the study confirm the complexity and ethno-linguistic “diversity” of the pre-Tibet-Mongolian anthroponymic composition of the Sagan Hori-Buryat family. This article is devoted to the description of a possible Soyot-Tofalar substrate in the set of historical names of the Khori-Buryats, thereby it makes a certain contribution to the development of Siberian anthroponymy.

Keywords: Mokhu / Muhuu Unaganov, census of the Sagan family 1830-1831, Soyot-Tofalar, a Turkic anthroponymic substratum